

Дискуссия вокруг деятельности отца Георгия Кочеткова и его сторонников не утихает на протяжении многих лет. Одним из первых на опасные черты его реформаторских взглядов на церковную жизнь обратил внимание протопресвитер Иоанн Мейендорф в статьях « [Заметка о Церкви](#) » и « [Об изменяемости и неизменности православного богослужения](#) ». В последнее время эта дискуссия обострилась в связи с событиями в Архангельской епархии, где возник конфликт в общине, возглавляемой последователем отца Георгия – священником Иоанном Приваловым. На целом ряде сайтов (в том числе Православие.ру и Богослов.ру) были опубликованы статьи как сторонников, так и противников пастырских подходов священника Георгия Кочеткова. Беспокойство клириков и мирян, оппонировавших о. Георгию, обусловлено тем, что внутри Церкви развивается, иерархизируется и наращивает влияние хорошо организованная общность людей, стремящаяся Ее реформировать, исходя из весьма спорных оснований. Так, в огласительных целях используется отличный от принятого Символ веры, пишутся свои весьма неканонические катехизисы, а наставники (не облеченные в сан, но считающиеся более совершенными в вере, чем другие) надолго отлучают «рядовых» прихожан (например, крещенных в детстве) от Причастия и даже присутствия на Литургии верных по причине недосконального знания ими Ветхого Завета. Сам процесс катехизации может растянуться на годы, поскольку помимо основ православной веры требуется, например, освоение достаточно обширного списка произведений мировой литературы. Само стремление приобщить прихожан к знанию Библии, церковной истории, мировой культуры весьма ценно, но привязывание его к участию в церковных таинствах является разрушением, а не созиданием церковной жизни. Однако подобная практика может найти и находит сочувственный отклик и поддержку в среде интеллигенции и «креативного класса», вошедших в Церковь с неизжитым духом интеллигентского элитизма и оппозиционности. Все эти люди могут стать «под знамена» отца Георгия и, если Церковь своевременно не даст четкой оценки его деятельности, в свою очередь, соблазнить многих. Поэтому сейчас необходим трезвый и взвешенный анализ тенденций поздней советской и постсоветской эпохи, на пересечении которых возникло это реформаторское движение как несовершенный ответ на духовные запросы людей, входящих в Церковь, начиная с конца 1980-х годов. Нам кажется, что причины, породившие его, сводятся к следующему.

Восьмидесятые годы XX века характеризуются приходом в Церковь диссидентски настроенной части советской интеллигенции, не желавшей либо не сумевшей расстаться со своими политическими, культурными, идеологическими предпочтениями и поведенческими стереотипами. Наблюдая подобную ситуацию на Западе, отец Александр Шмеман писал: «Людей незачем обращать ко Христу, если они не «обратят» своего восприятия мира и жизни. Ибо и Христос оказывается «символом» и только того, что мы и без Него любим, чего и без Него хотим. И такое христианство еще страшнее агностицизма и гедонизма. И потому христианский «активизм» в пределах теперешнего «мировоззрения», – ощущения жизни – так ложен и даже отвратителен». ¹

От чего же не смогли отказаться выходцы из «образованного класса», составившие

«ядро» общины о. Георгия Кочеткова? Прежде всего, от иногда осознанного, иногда неосознаваемого ощущения своей особой избранности, интеллигентского элитима, ничего общего не имеющего с кенотическим духом подлинного Православия.

Перечислим некоторые симптомы этой «болезни».

1. Колоссальная жажда учительства. Подобно тому как интеллигенты-народники во второй половине XIX века шли в народ с культуртрегерской целью его просвещения, эта группа интеллигентов вошла в Церковь с осознанием своей особой миссии – просвещения «темного» церковного народа, не изменив горделивой духовной «осанки» на смиренно-кенотическую.

2. Культ диссидентства. В те годы в Церковь пришли именно оппозиционно настроенные «физики» и «лирики», а отнюдь не сотрудники райкомов. Не разглядев благодатной онтологической укорененности епископской вертикали церковной власти, они продолжали считать допустимой и в Церкви оппозиционность, теперь уже по отношению к священноначалию, считая ее скорее доблестью, нежели грехом.

3. Дух элитарности проявился и в неспособности смиренно «уценить» при вхождении в Церковь весь накопленный ими социально-статусный и культурный багаж, так отличающий их от простых «бабушек в платочках». Многие из того, что во внецерковной жизни выделяет человека из массы – обширные знания, знатность, деньги, власть, в Церкви меняет свое значение, является предметом аскетического переосмысления, а порой и отсечения, ибо может стать идолом, отдаляющим христианина от Спасителя. Не переосмысленные таким образом, огромный багаж знаний и огромное желание учить могут стать, и в данном случае стали, средством выстраивания многозвенной вертикали учительства – иерархии катехизаторов, обладающих по отношению к катехизируемым огромной, калечащей души церковно нелегитимной властью решать, когда и кого причащать, кому присутствовать на Литургии верных и т.п. Т.о. внутри Церкви, помимо существующей в ней иерархии, о. Георгий Кочетков и близкие к нему «катехизаторы» устанавливают в своей изолированной общине неканоническую вертикаль власти, в чем-то похожую на установленную в свое время Кальвином, которого даже называли «женевским папой».

4. При этом именно «замкнутость» общины по отношению к остальной Церкви (и прежде всего – священноначалию) помогает о. Георгию и его приближенным держать под

контролем этот достаточно изолированный церковный микросоциум. Барьерами, отделяющими последователей священника Георгия Кочеткова от всей Церкви, являются: своя, отличная от общепринятой в Православии, «огласительная редакция» Символа веры, катехизисы, содержание которых, сознательно или нет, перегружено обилием материала, освоение которого надолго удерживает катехизируемых от полноценного участия в Таинствах и позволяет катехизаторам сохранять над ними неканоническую власть длительное время. Чтобы сдать экзамен по катехизису, необходимо не просто досконально знать Ветхий Завет (который даже семинаристы изучают несколько лет, тем не менее, полноценно участвуя в церковных таинствах), но и основы мировой культуры и т.д. Слов нет, средний культурный уровень православного прихожанина весьма низок, но то же самое можно сказать и о теперешних студентах, представителях властной и бизнес-элит и даже о медийных деятелях. Тем не менее, не допускать к Причастию тех, кто, например, не читал Данте, – это уже слишком. Ведь входя в Церковь, люди не сдают тест на подтверждение своей культурной состоятельности (вне сомнения, такой тест «провалили» бы и прп. Павел Препростый и прп. Силуан Афонский). Главное, чтобы верующие имели правильные знания о Христе – нашем единственном Спасителе и о Его Церкви. А то, что такие знания, особенно в области сотериологии и экклезиологии, доходят до членов общины отца Георгия Кочеткова без искажений, вызывает большие сомнения, учитывая его собственные высказывания о «невидимой Церкви», границы которой настолько размыты, что в них вмещаются и язычник Ганди, и отвергнувшая крещение Симона Вейль, и многие другие из тех, кто не принадлежит к Церкви Христовой. Все это приближает взгляды священника Георгия Кочеткова к соборно отвергнутому Церковью учению об апокатастасисе, несостоятельность которого раскрыта в святоотеческой литературе.

Однако следует признать, что объяснить существование и возникновение все новых общин, использующих опыт о. Георгия Кочеткова, только этими причинами, добавив к ним и моральную поддержку извне – со стороны тех сил, которые стремятся расшатать единство Русской Православной Церкви, – это сказать лишь полправды. Вторая половина этой правды состоит в том, что своей деятельностью отец Георгий и его последователи заполнили реальный вакуум, существующий в нашей церковной жизни. Ведь, действительно, катехизация верующих находится на очень низком уровне, и для многих из них Православие остается средством либо «психотерапии», либо национально-культурной самоидентификации. Нередко люди воспринимают богослужение на уровне богатого, красивого обряда, не проникая в догматические сокровища, которыми изобилует каждая церковная служба, не имея «катехитического ключа», чтобы войти в «святая святых» православного вероучения о Христе Спасителе и Его Церкви. Чаще всего, после Литургии люди расходятся, погруженные каждый в свою житейскую ситуацию, они не приближаются друг ко другу во Христе, оставаясь неинтересными и священникам, перегруженным требами и хозяйственными заботами по укреплению прихода. Не так обстоит дело в общине о. Георгия Кочеткова: здесь с людьми активно работают, их «катехизируют», устраивают совместные трапезы, оказывают помощь. Словом, есть реальная приходская жизнь. И трудно говорить с человеком, чье одиночество было восполнено интересом, проявленным к нему в этой

общине, о существующих в ней грубейших искажениях, не предлагая на деле реальной альтернативы.

¹Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. – М.: Русский путь, 2005. – С.39